

ЙОЗЕФ РАТЦИНГЕР
ПАПА БЕНЕДИКТ XVI

ИИСУС ИЗ НАЗАРЕТА

Детство

Йозеф Ратцингер
Иисус из Назарета. Детство

«Издательство Францисканцев»

2012

Ратцингер Й.

Иисус из Назарета. Детство / Й. Ратцингер — «Издательство Францисканцев», 2012

ISBN 978-5-89208-122-1

«Наконец я могу отдать в руки Читательниц и Читателей давно обещанную небольшую книгу о детстве Иисуса. Она не является третьей частью, а служит своего рода «преддверием» к двум предыдущим частям, посвящённым личности и миссии Иисуса из Назарета. На этот раз я в диалоге с предшествующими и современными толкователями попытался прояснить то, что рассказывают о детстве Иисуса в начале своих Евангелий Матфей и Лука...» В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

ISBN 978-5-89208-122-1

© Ратцингер Й., 2012

© Издательство Францисканцев, 2012

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	7
Вопрос о происхождении Иисуса как вопрос о Его бытии и миссии	7
Глава 2	12
О литературном своеобразии текстов	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Йозеф Ратцингер

Иисус из Назарета. Детство

© Libreria Editrice Vaticana, Città del Vaticano 2012

© RSC Libri S.p.A., Milano 2012

© для русского издания – Централизованная религиозная организация «Римско-католическая Епархия Святого Климента в Саратове», 2015

© для русского издания – НО Издательство Францисканцев, 2015

* * *

Предисловие

Наконец я могу отдать в руки Читательниц и Читателей давно обещанную небольшую книгу о детстве Иисуса. Она не является третьей частью, а служит своего рода «преддверием» к двум предыдущим частям, посвящённым личности и миссии Иисуса из Назарета. На этот раз я в диалоге с предшествующими и современными толкователями попытался прояснить то, что рассказывают о детстве Иисуса в начале своих Евангелий Матфей и Лука.

Верное истолкование, по моему убеждению, подразумевает два этапа. Во-первых, необходимо задать вопрос, что именно хотели сказать своими текстами авторы того времени – это исторический компонент экзегезы. Однако недостаточно лишь оставить текст в прошлом и таким образом придать ему исключительно архивное значение. Второй вопрос надлежащего толкования должен звучать так: «Является ли сказанное правдой? Касается ли это меня? И если да, то как?» Что касается библейского текста, изначальным и глубинным автором которого, по нашей вере, является Сам Бог, вопрос об отношении прошлого к настоящему неизбежно является частью самого толкования. Это не снижает значение исторических исследований, а наоборот, повышает его.

Я постарался в этом смысле вступить с текстами в диалог. При этом я осознаю, что разговор, в котором участвуют прошлое, настоящее и будущее, никогда не может быть завершён, а также что любое толкование не может сравниться с величием библейских текстов. Надеюсь, что эта небольшая книга, несмотря на существующие в ней ограничения, сможет помочь многим людям на их пути к Иисусу и вместе с Иисусом.

Йозеф Ратцингер – Бенедикт XVI

Кастель-Гандольфо, в торжество Успения Пресвятой Богородицы,
15 августа 2012 года

Глава 1 «Откуда Ты?» (Ин 19, 9)

Вопрос о происхождении Иисуса как вопрос о Его бытии и миссии

Входе допроса Иисуса Пилат неожиданно ставит вопрос обвиняемому: «Откуда ты?» Обвинители придали осуждению Иисуса на смерть драматический характер, сообщив, что этот Иисус якобы выдавал себя за сына Божьего – преступление, за которое в законе значился смертный приговор. Просвещённый римский судья, который прежде уже высказал свой скепсис в вопросе об истине (см. Ин 18, 38), мог бы воспринять этот упрёк обвиняемому как нелепый. Но всё же он испугался. До этого обвиняемый сказал, что он – царь, но царство Его «не отсюда» (Ин 18, 36). А затем Он обозначил таинственное «откуда» и «для чего», говоря: «Я для того родился и для того пришёл в мир, чтобы свидетельствовать об истине» (Ин 18, 37).

Всё это должно было казаться римскому судье абсурдом. Но всё же он не мог избавиться от таинственного впечатления от этого человека, который был иным, нежели известные ему борцы против римского господства и за восстановление царства Израильского. Римский прокуратор спрашивает, откуда Иисус, чтобы понять, кто же Он есть на самом деле и чего Он хочет.

Вопрос о том, «откуда» Иисус, как вопрос о Его внутреннем происхождении и вместе с тем – о Его подлинной сущности, возникает также и в других решающих местах Евангелия от Иоанна, определённую роль он играет и в синоптических евангелиях. У Иоанна, как и у синоптиков, за ним скрывается своеобразный парадокс. С одной стороны, против Иисуса и Его мессианского притязания говорит тот факт, что Его происхождение известно точно: Он вовсе не пришёл с небес, от «Отца», «свыше», как Он говорит (Ин 8, 23).

Нет, «не Иисус ли это, сын Иосифов, Которого отца и Мать мы знаем? Как же говорит Он: я сшел с небес?» (Ин 6, 42).

Синоптики повествуют о точно таком же диспуте в синагоге в Назарете, на родине Иисуса. Иисус истолковал слова Священного Писания не привычным образом, но с властью, превосходящей границы всякого толкования, отнёс их к Себе и Своей миссии (Лк 4, 21). Слушатели, вполне понятно, пугаются такого обхождения с Писанием, этого притязания – самому быть внутренней точкой отсчёта и ключом истолкования Святых Слов. Испуг становится выражением: «Не плотник ли Он, сын Марии, брат Иакова, Иосии, Иуды и Симона? Не здесь ли, между нами, Его сестры? И соблазнились о Нём» (Мк 6, 3).

Ведь известно точно, кто есть Иисус и откуда Он пришел – один среди прочих. Он такой, как мы. Его притязание может означать только высокомерие. Помимо этого, Назарет не был таким местом, о котором существовало бы подобное пророчество. Иоанн рассказывает о том, как Филипп говорит Нафанаилу: «... мы нашли Того, о Котором писали Моисей в законе и пророки, Иисуса, сына Иосифова, из Назарета». Ответ Нафанаила известен: «...из Назарета может ли быть что доброе?» (Ин 1, 45 сл.). Обыкновенность Иисуса, ремесленника из провинции, кажется, не скрывает в себе никаких тайн. Его происхождение свидетельствует о Нём как о таком же, как и все остальные.

Однако существует и обратный аргумент, свидетельствующий против авторитета Иисуса, а именно – в споре об исцелённом слепорожденном, который стал зрячим: «Мы знаем, что с Моисеем говорил Бог; Сего же (= Иисуса) не знаем, откуда Он» (Ин 9, 29).

Нечто весьма похожее сказали также и назаретяне после проповеди в синагоге, прежде чем они низвели Иисуса до знакомого и подобного им: «... Откуда у Него это? что за премудрость дана Ему, и как такие чудеса совершаются руками Его?» (Мк 6, 2). И здесь есть тот же вопрос: «откуда?» – даже если затем он снимается указанием на Его родственные связи.

«Откуда» Иисус – одновременно известно и неизвестно, ответ на этот вопрос кажется простым, но при этом всё же не исчерпывающим. В Кесарии Филипповой Иисус спросит апостолов: «... За кого почитают Меня люди?... а вы за кого почитаете Меня?»

(Мк 8, 27 сл.). Кто такой Иисус? Откуда Он пришёл? Оба вопроса неразрывно связаны друг с другом.

В четырёх Евангелиях речь идет об ответах на эти вопросы. Они написаны, чтобы дать на них ответ. Когда Матфей начинает своё Евангелие с родословной Иисуса, он хочет сразу же поставить вопрос, откуда Иисус, в правильном свете; родословие стоит как своего рода заглавие над всем Евангелием. С другой стороны, Лука поместил родословие Иисуса в начале Его общественного служения, как своего рода публичное представление Иисуса, с тем чтобы ответить на тот же вопрос с другими акцентами – в предвосхищении того, что будет далее развёртываться во всём Евангелии. Попробуем теперь рассмотреть ближе и понять основную цель обеих родословных.

Для Матфея два имени являются определяющими, чтобы понять, откуда Иисус: Авраам и Давид.

С Авраама начинается – после рассеивания человечества в связи с воздвижением Вавилонской башни – история обетования. Авраам возвещает грядущее. Он – странник, не только из земли своего происхождения в Землю Обетованную, но и странник из настоящего в будущее. Вся его жизнь указывает вперёд, является динамикой следования по пути грядущего. Так его справедливо описывает Послание к Евреям – как паломника веры, основывающегося на обетовании: «... Ибо он ожидал города, имеющего основание, которого художник и строитель Бог» (Евр 11, 10). Обетование для Авраама относится, прежде всего, к его потомкам, но распространяется оно шире: «... благословятся в нём все народы земли» (Быт 18, 18). Таким образом, во всей истории, которая начинается с Авраама и ведёт к Иисусу, взгляд направлен на всё в целом – через Авраама должно прийти благословение для всех.

Так от начала родословия взгляд уже переходит на конец Евангелия, в котором Воскресший говорит апостолам: «... Идите, научите все народы» (Мф 28, 19). В той особой истории, которую представляет родословие, актуальным всё же с самого начала является напряжение, направленное на всё в целом; универсальность миссии Иисуса дана вместе с Его происхождением.

Структура родословия и рассказанной им истории, конечно, полностью определяется личностью Давида, царя, которому было дано обетование вечного царства: «... Престол твой устоит во веки» (2 Цар 7, 16). Родословие, которое предлагает Матфей, запечатлено этим обетованием. Оно представляет собой три группы по четырнадцать родов: сначала по восходящей от Авраама до Давида, потом по нисходящей от Соломона до Вавилонского плена, а затем вновь по восходящей до Иисуса, в котором обетование достигает своей цели. Появляется пребывающий во веки царь – правда, совсем иначе, нежели можно было бы предположить, отталкиваясь от примера Давида.

Эта структура становится ещё отчётливой, если учесть, что еврейские буквы имени Давид соответствуют числу четырнадцать и что, также исходя из символики чисел, Давид, его имя и его обетование формируют путь от Авраама до Иисуса. На этом основании можно утверждать, что родословие с его трижды по четырнадцать поколениями является подлинным Евангелием Христа-Царя: вся история взирает на Него, чей престол устоит вовеки.

Родословие Матфея – это родословие мужчин, в котором, однако, до Марии, которой оно заканчивается, названы четыре женщины: Фамарь, Раав, Руфь и «жена Урии». Почему эти женщины появляются в родословии? По какому критерию они выбраны?

Сказано, что все четыре женщины были грешницами. Так в упоминании о них отражается то, что Иисус взял на Себя их грехи и вместе с ними грех мира и что Его миссией было оправдание грешников. Однако это не могло быть определяющей точкой зрения при этом выборе, тем более что её нельзя применить ко всем четырём женщинам. Важнее то, что все эти женщины не были иудейками. Так через них в родословие Иисуса входят народы мира – становится очевидным Его послание иудеям и эллинам.

Первостепенно, однако, что всё родословие заканчивается одной женщиной: Марией, которая в действительности является новым началом и устанавливает отношения со всем родословием. Сквозь все поколения оно шло по принципу: «Авраам родил Исаака...» Но в конце стоит нечто совсем иное. У Иисуса речь уже не идёт о рождении, но говорится так: «Иаков родил Иосифа, мужа Марии, от Которой родился Иисус, называемый Христос» (Мф 1, 16). В последующей истории о рождении Иисуса Матфей говорит нам, что Иосиф не был отцом Иисуса и что он хотел отпустить Марию из-за предполагаемого прелюбодеяния. Тогда он слышит: «... Родившееся в Ней есть от Духа Святаго» (Мф 1, 20). Так последнее предложение даёт поворот всему родословию. Мария является новым началом. Её дитя происходит не от мужа, но является новым творением, появившимся через Духа Святого.

Родословие остаётся значимым: Иосиф приходится отцом Иисусу по праву. Через него Он принадлежит законно, «юридически», к роду Давида. И всё же Он приходит откуда-то не отсюда, а «свыше» – от Самого Бога. С тайной «откуда» – двойного происхождения – мы сталкиваемся вполне конкретно: Его происхождение можно назвать, и всё же оно является тайной. Только Бог является в подлинном смысле Его «Отцом». Родословие по мужской линии имеет свой вес в мировой истории. Но всё-таки в конце – Мария, смиренная Дева из Назарета, в Которой происходит новое начало, человеческое бытие начинается заново.

Обратим теперь ещё один взгляд на родословие, представленное в Евангелии от Луки (см. Лк 3, 23–38). По сравнению с родословием у святого Матфея обращают на себя внимание многие различия.

Мы уже определили, что здесь родословие открывает общественную жизнь, так сказать, легитимирует Иисуса в Его общественной миссии, в то время как Матфей предлагает родословие как начало Евангелия вообще, переходя от него к истории зачатия и рождения Иисуса и раскрывая вопрос «откуда?» в его двойном значении.

Заметим также, что Матфей и Лука совпадают только в некоторых именах; даже в имени отца Иосифа у них нет соответствия. Как это объяснить? Помимо элементов, взятых из Ветхого Завета, оба автора поработали с преданиями, источники которых мы воссоздать не можем. Мне кажется просто излишним строить гипотезы на этот счёт. На обоих евангелистов влияют не отдельные имена, но символическая структура, в которой отображается место Иисуса в истории: Его вплетённость в исторические пути обетования, а также новое начало, происхождение которого в то же время парадоксальным образом отмечено непрерывностью действия Бога в истории.

Следующее различие состоит в том, что Лука не поднимается, как Матфей, от начала, от корня – к настоящему, к вершине «древа», но напротив, от «вершины» Иисуса опускается к корням, очевидно, чтобы показать в конце, что последний корень лежит не в глубине, но на «вершине» – Бог стоит в начале человеческого существования: «Еносов, Сифов, Адамов, Божий» (Лк 3, 38).

Общим у Матфея и Луки является то, что родословие прекращается и прерывается на Иосифе: «Иисус, начиная [Свое служение], был лет тридцати, и был, как думали, Сын Иосифов» (Лк 3, 23). По закону он считался сыном Иосифа, как говорит нам Лука. А каково было

происхождение Иисуса в действительности, он уже изложил прежде в первых двух главах своего Евангелия.

В то время как Матфей придаёт своему родословию из трёх групп по четырнадцать имён ясную богословско-символическую структуру, Лука ставит свои 76 имён без явного внешнего разделения. Но всё же и здесь можно заметить символическую структуру исторического времени: родословная содержит одиннадцать раз по семь членов. Лука, возможно, знал апокалиптическую схему, которая делит мировую историю на двенадцать частей и в конце состоит из одиннадцати по семь родов. Таким образом, здесь не совсем явно указывается на то, что с Иисусом пришла «полнота времени»; что с Ним настал решающий час мировой истории: Он – новый Адам, Который вновь происходит «от Бога» – радикальнее, чем первый, не только получивший дыхание от Бога, но поистине «Сын». Если у Матфея обетование Давида накладывает отпечаток на символическую временную структуру, то Лука, возвращаясь к Адаму, хочет показать, что в Иисусе человечество начинается заново. Родословие является выражением обетования, которое касается всего человечества.

В этой взаимосвязи стоит упомянуть и другой способ прочтения родословия от Луки, который мы находим у святого Иринея. Он называет в своём тексте не 76, а 72 имени. 72 (или 70) – это было число народов мира, взятое из Исх 1, 5 – число, которое в изложении Луки появляется в виде 72 (или 70) учеников, которых Иисус избрал помимо двенадцати апостолов. Ириной пишет: «Поэтому Лука показывает, что генеалогия, которая простирается от зачатия Господня до Адама, охватывает 72 поколения. Он соединяет конец и начало и даёт понять, что Иисус объединяет в Себе все народы, которые рассеялись, начиная от Адама, и все языки, да и весь человеческий род как таковой от Адама. Поэтому Адам у Павла обозначен как прообраз грядущего» (*Adversus haereses* III 22, 3).

Даже если в оригинальном тексте Луки символизм семидесяти, на котором строится экзегеза святого Иринея, в этом месте не представлен, всё же подлинное намерение родословия Луки в этих словах понято верно. Иисус сосредотачивает в Себе всё человечество, всю человеческую историю и придаёт ей новое, определяющее направление, устремленное к новому человеческому бытию.

Евангелист Иоанн, у которого вопрос «откуда Иисус?» звучит снова и снова, не предполагал своему Евангелию родословия, но в его прологе впечатляюще и великолепно представил ответ на вопрос Откуда. Одновременно он расширил ответ на вопрос «откуда Иисус?» до определения христианского существования, показав, исходя из того, «откуда» Иисус, идентичность Его существования. «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог... И Слово стало плотью и обитало с нами» (Ин 1, 1–14). Человек Иисус является обителью Слова, вечного божественного Логоса в этом мире. «Плоть» Иисуса, Его человеческое существование является «скинией» Слова: ссылка на святую скинию странствующего Израиля очевидна. Иисус является, скажем так, скинией встречи – в реальности именно тем, для чего скиния и позже – Храм могли быть установлены лишь как знак. Происхождение Иисуса, Его «откуда» является самим «началом» – первопричиной, от которой исходит всё, «светом», который делает мир космосом. Он исшёл от Бога. Он есть Бог. Это пришедшее к нам начало открывает – как начало – новый образ человеческого бытия. «А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими, которые ни от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились» (Ин 1, 12 сл.). Часть рукописной церковной традиции прочитывает это предложение не во множественном, а в единственном числе: «... [Он,] Который не от крови... родился». Но тогда этот фрагмент становится явным указанием на девственное зачатие и рождение Иисуса. И при этом ещё раз конкретно подчёркивается бытие, воспринятое Иисусом от Бога, согласно традиции, засвидетельствованной Матфеем и Лукой. Но это лишь вторичный способ прочтения; аутентичный текст Евангелия говорит здесь совершенно ясно о тех, кто верует во имя Христово и через это получил новое происхождение. Однако взаимосвязь

с исповеданием рождения Иисуса от Девы Марии остаётся непреложно актуальной: кто верит в Иисуса, входит через веру в Него в особое новое начало, воспринимает это начало как своё. Сами по себе все эти верующие сначала «рождены от крови и от хотения мужа». Но вера дарит им новое рождение: они вступают в происхождение Иисуса Христа, которое теперь становится их собственным происхождением. От Христа, через веру в Него, они теперь рождены от Бога.

Так Иоанн ещё раз объединил глубочайшее значение родословий и одновременно научил понимать их как указание на наше собственное происхождение, наше истинное «родословие». Так как родословия в конце обрываются, потому что Иисус был зачат не от Иосифа, но совершенно реально родился от Девы Марии через Духа Святого, это также действительно и для нас: нашим истинным родословием является вера в Иисуса, Который дарит нам новое происхождение, рождает нас «от Бога».

Глава 2

Возвешение рождения Иоанна Крестителя и Рождества Иисуса

О литературном своеобразии текстов

Все четыре Евангелия ставят в начале деятельности Иисуса фигуру Иоанна Крестителя и показывают его как Предтечу Иисуса. Святой Лука перенёс связь этих двух фигур и их миссии в историю детства обоих. Уже в зачатии и рождении Иисус и Иоанн связаны друг с другом.

Прежде чем мы обратимся к содержанию текстов, необходимо коротко сказать об их литературном своеобразии. Хотя и разным образом, но и у Матфея, и у Луки события детства Иисуса теснейшим образом связаны со словами из Ветхого Завета. В то время как Матфей указывает читателю на взаимосвязи через соответствующие ветхозаветные цитаты, Лука говорит о происходящем словами из Ветхого Завета – с намёками, которые зачастую могут быть случайными и не всегда доказуемы как таковые, но в целом всё же, несомненно, формируют ткань текста.

Вероятно, у Луки в основу положен еврейский текст; в любом случае, всё повествование отмечено семитизмами, которые вообще для него нетипичны. Существуют попытки понять своеобразие этих двух глав, Лк 1–2, с точки зрения раннего иудейского литературного жанра, говорят о «аггадском мидраше», что означает толкование Писания через рассказы. Литературное сходство неоспоримо. И всё же ясно, что история детства в повествовании от Луки относится не к раннему иудаизму, а как раз к раннему христианству.

Более того, здесь рассказывается история, которая объясняет Писание, и наоборот: то, что Писание хотело сказать во многих местах, становится очевидным только теперь – через эту новую историю. Это такая история, которая полностью исходит из Слова, и она же придаёт Слову его полное значение, которое прежде ещё не было понятным. Рассказанная здесь история – это не просто иллюстрация к старым словам, но действительность, которую ожидали эти слова. Только в самих словах она не была узнаваема, но эти слова приходят к их полному значению через событие, в котором они становятся действительностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.